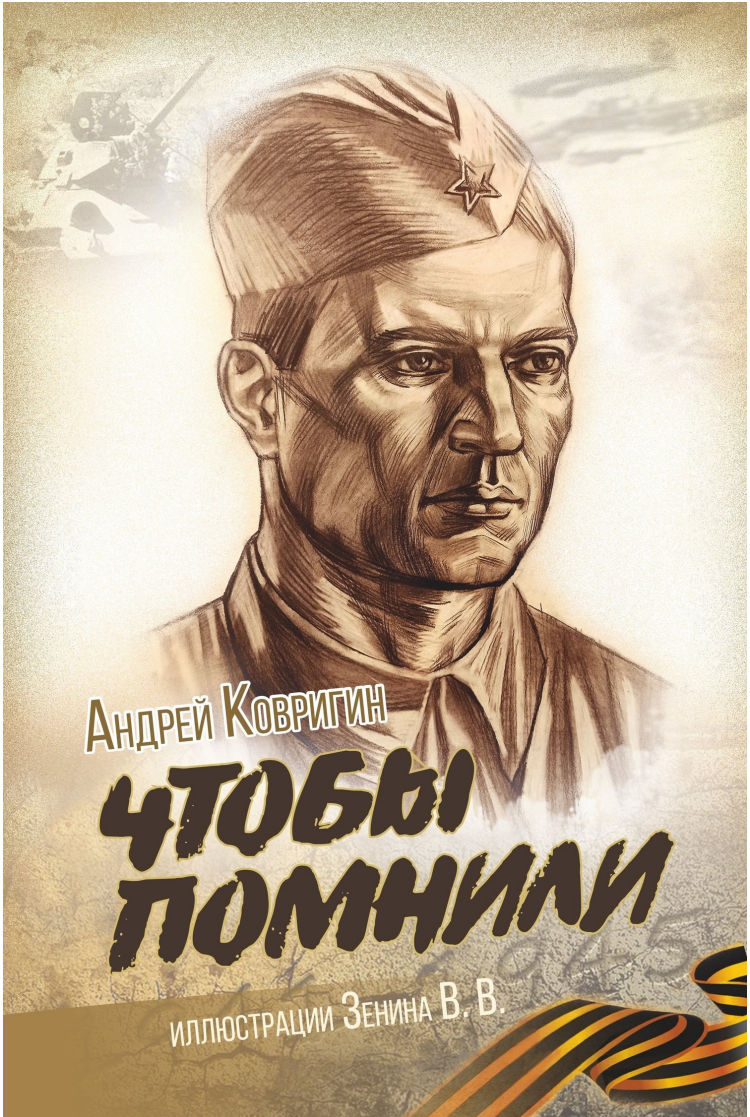

Андрей Ковригин
Чтобы помнили
иллюстрации Зенина В. В.

Андрей Михайлович Ковригин
Чтобы помнили

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54967627
Чтобы помнили : сборник стихотворений / А. М. Ковригин.: Логос,; Ставрополь; 2021
ISBN 978-5-907258-88-4

Аннотация

Почему я решил написать эту книгу?..

Я чувствую себя проводником, к которому почему-то поступает информация из давно ушедших дней. Что это: внутренний диалог или монолог какая причина заставляет меня вновь и вновь возвращаться в те годы? Может и личная причина. Ведь все мы родом из прошлого. Меня, конечно, связывают с этой темой истории родных, воевавших на Ленинградском фронте. Я должен обязательно рассказать то, что удалось узнать о некоторых, уже давно умерших людях, мне совершенно не знакомых. И я должен сделать все, чтобы люди услышали об их жизни, чтобы не забыли о них. Ведь забвение очень легко поселяется в наших душах. Дань памяти тем людям толкает меня продолжать поиски, отдать свой личный долг, и кто знает, может, как-то успокоить усопшие души. Мне кажется, что связь между живыми и мёртвыми существует в бесконечном круговороте

жизни и смерти. И нам, пока ещё живым, есть чему поучиться у них, уже ушедших…

В формате a4-pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	10
«Погостье – черные болота, вода, березы и ольха…»	14
Илья Заикин	21
Невский пятачок	24
Борис Аграчев и Ольга Будникова	29
Баллада о Ленинграде	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Михайлович Ковригин

Чтобы помнили

Издание второе, дополненное, переработанное

© Ковригин А. М., 2021
© Издательство «Логос», 2021

Автор

Ковригин Андрей Михайлович, 1978 г. р. Врач-психиатр, психотерапевт. Окончил СПбГПМА в 2001 г. Член Российской психотерапевтической ассоциации СПБ. Член Российского общества психиатров. Поэт. Автор поэтического сборника «Dum spiro, spero (Пока дышу, надеюсь)». Литературное объединение писателей России «Молодой Петербург» под руководством А. Д. Ахматова.

Художник

Зенин Владимир Владимирович, 1983 г. р. Художник, станковист, монументалист, график. Окончил СПбГАИЖСА (Академия художеств) им. Репина в 2012 году. Монументальная мастерская, руководитель А. К. Быстров. Член Союза художников с 2013 года. Дипломант Международной премии имени Николая Рериха 2017 года.

Предисловие

Все больше времени отделяет нас от давно, казалось, прошедшей Второй мировой войны. Все дальше от нас то лето 41-го. Все меньше остается ветеранов, уходят уже дети войны, те, кто родился в те страшные годы. Не все, но в последнее время многие, особенно те, кто родился позже, смотрят на события прошлого как на предания старины глубокой. Бурно меняется время, меняются многие парадигмы мышления, но есть такие вещи, которые составляют суть русского человека, и они, слава Богу, остаются прежними. Одна из них – это память смертная, память о смерти наших близких и далеких людях, память о том, что и я должен буду уйти из этого мира.

Игнорировать такие вопросы нельзя. Это огромный пласт, которым сейчас пытаются манипулировать, пытаются сказать о необязательности этой памяти, дескать, зачем ворошить прошлое? Но это не так, тот, кто забывает свое прошлое, тот не имеет будущего. Тот, кто теряет связь с памятью родной земли, рано или поздно теряет и эту землю, живя как перекати-поле, без внутренних ценностных ориентиров, так же воспитывает своих детей и формирует новое общество, безответственное и инфантильное, потребительское в своей сути и основе. А это ужасно.

Вот поэтому я и решил написать эту книгу. Я чувствую

себя проводником, к которому почему-то поступает связь из давно ушедших дней. Что это – внутренний диалог или монолог, какая причина заставляет меня вновь и вновь обращаться в те годы?

Может, и личная причина. Ведь все мы родом из прошлого, меня, конечно, связывают с этой темой и истории моих родных, воевавших на Ленинградском фронте. Я почему-то должен обязательно рассказать то, что мне удалось узнать о некоторых, уже давно умерших людях, мне совершенно не знакомых. И я должен сделать все, чтобы люди услышали об их жизни, чтобы помнили их, не предали забвению. Ведь забвение очень легко поселяется в наши души. Дань памяти тем людям толкает меня продолжать поиски, отдать свой личный долг, и кто знает, может, как-то успокоить усопшие души. Мне кажется, что связь между живыми и мертвыми существует, в бесконечном круговороте жизни и смерти. И нам, пока еще живым, есть чему поучиться у них, уже ушедших.

А началась эта история, наверное, с фотографии солдата «Алеши», который, как я думал, погиб в Погостье в 1942 году. Эта фотография запала мне в душу после прочтения известной книги Николая Никулина «Воспоминания о войне». Солдат был неизвестен, осталось только имя и фотография. Ее сфотографировал военный фотограф Даниил Федорович Онохин из 311 стрелковой дивизии, которая вела боевые действия в тех местах. Но покоя мне эта фотография не

давала. И мне удалось, с помощью специалистов-поисковиков, которым я очень благодарен, пролить свет на историю этого солдата. Выяснилось, что звали его не Алеша и погиб он не в Погостье, в 1942 году, а под Шимском в 1944. И этот сборник начинается с этой истории.

Война – это ужасно, это кровь, грязь и слезы, в ней ничего нет пафосного. Всеми силами надо стремиться к тому, чтобы ее избежать. Лучше худой мир, но мир. Пускай это капля в океане, пускай, может, это голос вопиющего в пустыне, особенно в наше сложное время. Но вдруг его кто-нибудь услышит? Вдруг поймет, что лучше и правильнее всеми силами договариваться, искать компромиссы, строить конструктивные переговоры в сложных вопросах, в том числе и своей частной жизни. Не плодить войну в своем сердце, которая сначала поселяется в голове, а затем, как вирус, распространяется с огромной силой на все большее и большее число людей. И я продолжаю надеяться, что голос разума окажется сильнее ненависти и такой катастрофы больше никогда не повторится.

С огромной благодарностью к тем, кто содействовал словом и делом в создании этой книги: художнику Зенину Владимиру Владимировичу, Белевской Брониславе Алексеевне, Самухиной Неонилле Анатольевне, Гаврилову Юрию Леонардовичу, Четвериковой Ольге Геннадьевне, поисковикам, военным историкам, Апелю Павлу Георгиевичу, Соболеву Виктору Сергеевичу, Андрееву Илье Сергеевичу, Череповой

Надежде Владимировне.

В книге использованы фотографии из семейных архивов автора, Самухиной Н. А, Четвериковой О.Г, Гаврилова Ю.Л. Использована информация из открытых источников в интернете, материалы из группы «Вконтакте» «Баржа 752» поисковики Санкт-Петербурга, Невский пятачок, «Письма на фронт», «Воспоминания ветеранов», «Роза Шанина: после боя вернусь», Вытегорский историко-этнографический музей, портал «Великая отечественная война в памяти вологжан». Также были использованы материалы из книг: Никулин Н. Н. «Воспоминания о войне», Балашов А. И., Г. П. Рудаков «История Великой Отечественной войны», «Плацдарм: Невский пятачок. 1941–1943» (сб. статей. – СПб), газета «Вера», Христианская газета Севера России за ноябрь 14, 1-й выпуск, номер 719, Гаршин В. И., Сердобольский О. М. «Одна секунда войны» – Л.: Лениздат, 1983.

«Погостье – черные болота, вода, березы и ольха…»

Памяти неизвестного солдата Алеши.

Погостье – черные болота, вода, березы и ольха.
В самом названии мрачно что-то, здесь до сих пор идет война.
Поднялась рота, пехотинцы, гранаты связками в руках,
Идут цепочкою балтийцы, в бушлатах, ленты в якорях.
Прошли и тихо, ровным строем,
Лежат, раскинувшись пластом,
А пулемет немецкий роем, кладет шеренгу под кустом.
Пришло на завтра пополнение,
В траншеях говор вятский, речь,
Какое божие смирение, чтоб просто так на мины лечь.
Зима, в овчинных полушубках, на смену рвется на прорыв
Полк из Сибири, прибаутки, навечно пал, снега укрыв.
День, ночь, зима, гнилое лето,
Дивизий сколько здесь прошло?
Пехоты скорбно, безответно, под нож слоями полегло.
Как будто в жерло мясорубки кусками брошены в огонь,
Лишь цифры, винтики, обрубки
Слепой машины, только тронь.
Раздавлен, смят, разорван в клочья,
Без дат, без почестей, пустой,
В сырой могиле общей молча солдат убитый, молодой.
Убит-то он, но я ведь тоже убит мог быть, как он тогда,
И жизнь порвать на смертном ложе судьбы могла легко рука.
Солдат на фото неизвестен, Алеша имя есть и все.

Погиб в Погостье, с ротой вместе,
Забыт и стерт с земли совсем.
Быть может там, лежа в траншее, стихи он тоже сочинял,
Под гром немецкой батареи, себя от страха отвлекал.
Быть может, он мечтал о доме, смотрел на звезды, мира ждал.
Глаза открыты, в буреломе сраженный пулею упал.
Как будто чувствую родство я с солдатом, сгинувшим тогда,
Что думал там он, перед боем, и где теперь его душа?
Погостье, ночь, скрипят березы, с шоссе мелькают блики фар,
Смола на елях, словно слезы, плывет над топью белый пар.
Там бродят призраки и тени ушедших в вечность поколений,
И не закончилась война, хотя сгорело все дотла.

Фотография солдата Алёши, сделана фотографом Даниилом Онохиным. Из книги Н. Н. Никулина «Воспоминания

о войне»

Погостье – железнодорожная станция Октябрьской железной дороги, расположенная на железнодорожной ветке Мга-Кириши (Ленинградская область). В период зимы 1941–1942 годов эта станция была отправной точкой для начала Любанской наступательной операции по прорыву блокады Ленинграда. С этой станции начали наступательные действия войска 54 армии с целью соединения с войсками 2 ударной армии Волховского фронта, чтобы в дальнейшем окружить Мгинско-Тосненскую группировку немецко-фашистских войск. Эти места отличались крайне тяжелыми боями, с огромными потерями. По оценкам архивов и участников тех событий, за неполных 3 месяца Красная армия потеряла здесь не менее 30–50 тысяч солдат. По оценкам некоторых специалистов, эта цифра гораздо больше. Останки этих бойцов до сих пор лежат в этих труднодоступных местах, по полям и оврагам, в болотах и низинах. Земля в этих местах буквально искорежена металлом, поисковые группы до сих пор находят боевую технику, оружие, обмундирование, колючую проволоку и несметное число погибших людей.

Ужасные строки о Погостье написал Николай Николаевич Никулин:

«…Легко написать это, когда прошли годы, когда затянулись воронки в Погостье, когда почти забыли эту маленькую станцию. И уже притупились тоска и отчаяние, которое при-

шлось тогда пережить. Представить это отчаяние невозможно, и поймет его лишь тот, кто сам на себе испытал необходимость просто встать и идти умирать. Не кто-нибудь другой. А именно ты, и не когда-нибудь, а сейчас, сию минуту, ты должен идти в огонь, где в лучшем случае тебя легко ранит, а в худшем – либо оторвет челюсть, либо разворотит живот, либо выбьет глаза, либо снесет череп. Именно тебе, хотя тебе так хочется жить!

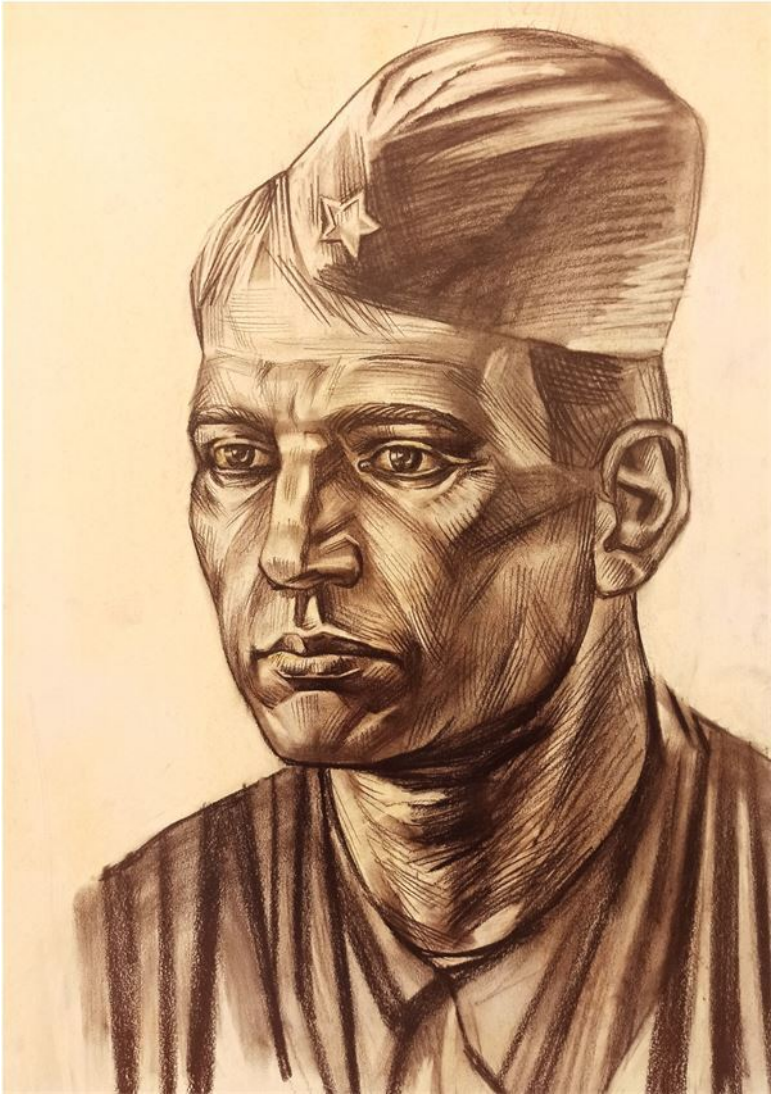
Тебе, который еще и не жил. Еще ничего и не видел. Тебе, у которого все впереди, когда тебе всего семнадцать! Ты должен быть готов умереть не только сейчас, но и постоянно. Сегодня тебе повезло, смерть прошла мимо. Но завтра надо опять атаковать.

Опять надо умирать, и не геройски, а без помпы, без оркестра и речей, в грязи, в смраде. И смерти твоей никто не заметит: ляжешь в большой штабель трупов у железной дороги и сгниешь, забытый всеми в липкой жиже погостьинских болот…»[1]

[1] Никулин Н. Н. Воспоминания о войне /Государственный Эрмитаж. – 4-е изд. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. – С. 43.

Илья Заикин

Памяти Заикина Ильи Малаховича, солдата «Алеши», снайпера стрелковой роты 1069-го стрелкового полка 311-й стрелковой дивизии, погибшего 26.01.1944 у деревни Северная Поляна Шимского района Новгородской области. Имя увековечено в списках воинского кладбища в деревне Голино.



Я снова вижу это фото, прошедших дат, событий след,
Как будто манит меня кто-то, былого слепок и завет.
Погиб в Погостье, так считали, солдат Алеша имя есть,
С ошибкой дату смерти дали, как перепутали – Бог весть.
Но не могу, как будто ниткой, я связан с карточкой войны,
И вот с надеждой слабой, зыбкой, ищу разгадку я в сети.
Илья Заикин, не Алеша, погиб по Шимском, вот итог,
Хоть лучший снайпер, пулей скошен, в Поляне Северной залег.
Открыл свой личный счет для мести, шестнадцать фрицев положил,
Готовил снайперов на месте и разминировал сто мин.
Прошел Погостье, что не шутка, чтоб здесь у Новгорода лечь.
Как можно в этой схватке жуткой себя в пехоте уберечь?
Пусть будет мой рассказ как память, как дань потомков людям тем,
И отпустить его, оставить, теперь могу уже совсем.
Пускай летит душа в деревню, которой, может, след простыл,
Чтоб там среди родных наверно войну забыл и всех простил.

Невский пятачок

Памяти павших

Автобус привез экскурсантов, пошли по дороге толпой,
На фоне Невы и у стелы из фото отчет и – домой.
Один пожилой только молча к березе прижался щекой.
Глотая таблетки поспешно, за сердце держался рукой.
Сюда приезжает весною и в воду глядит столько лет.
На дне под болотистым илом как будто он ищет ответ.
Ладони река обжигает, и темные воды влекут,
Тогда переправились ночью, контузило миною тут.
За борт его бросило взрывом, и плот разлетелся в куски.
Наряд вместе с пушкой разбило, его же снесло в камыши.
В секунду вся жизнь пролетела, и берег был кровью омыт.
На правом пехота засела, на левом противник стоит.
Вся жизнь, от рожденья до смерти, промчалась за тридцать секунд,
А ангелы божьи на крыльях под белые руки ведут.
Атаки сменялись атакой, закат от разрывов чернел,
Но бьет пулемет непрестанно, с ума сходят немцы от тел.
Они вырастают горою, числа нет от павших людей,
Но в штабе приказы упорно отправят на смерть без затей.
Вот так, не геройски, а просто, разорваны в клочья и в пух,
Пехота вся загнана в угол и быстро испустит свой дух.

Лежал в камышах он и видел, как души на небо летят.
Они журавлями кричали, летели кто в рай, а кто в ад.
Сестра подобрала под утро, и в госпиталь был отвезен.
С тех пор он ночами метался, наследие мрачных времен.
Тот берег мы все же забрали, прорвав оборону врага.
Война передвинулась дальше, на Запад плывут облака.
И вот через годы и вехи стоит фронтовик у реки,
И кажется, будто навеки он душу оставил вдали.

Невский пятачок – это условное обозначение плацдарма на левом (восточном) берегу Невы, рядом с Невской Дубровкой. Этот плацдарм удерживался советскими войсками

с 19.09.1941 по 29.04.1942 и с 26.09.1942 по 17.02.1943 гг. в ходе попыток прорыва блокады Ленинграда.

Отсюда советские войска неоднократно пытались начать наступление на Мгу и Синявино, чтобы прорвать блокаду Ленинграда. Несмотря на все героические попытки расширить плацдарм, развить наступление не удавалось. Потери солдат убитыми и ранеными в этих местах огромные. Количество убитых на квадратный метр, по некоторым оценкам, до 17 человек, при общих размерах пятачка от 4 до 1 километра в ширину и от 800 до 350 метров в глубину. Размеры этого пятачка постоянно менялись в ходе боевых действий.

По оценкам историков, значение пятачка заключалась в том, что советские войска сумели сковать здесь немецкую группировку врага и, кроме того, это место было единственной возможностью для прорыва блокады Ленинграда. Поэтому потери здесь были огромные.

Поисковики здесь находят до сих пор боеприпасы, оружие, которые остаются активными и опасными.

«…Ленинградский фронт, скованный тяжелыми боями на Пулковских высотах, смог выделить для деблокирующего удара навстречу 54 армии лишь одну стрелковую дивизию и бригаду морской пехоты. В ночь на 20 сентября 1941 г. соединения Ленинградского фронта (115-я стрелковая дивизия под командованием генерала К. Ф. Конькова и 4-я бригада морской пехоты генерала Б. Н. Немашева) форсировали Неву и захватили на левом берегу небольшой плацдарм

(4 км по фронту и 800 м в глубину). За этот клочок земли (так называемый Невский пятачок) развернулась напряженная борьба …Ожесточенная борьба на Невском пятачке продолжалась почти 7,5 месяцев… потери на Невском пятачке за все время борьбы достигли по официальным данным 50 тыс. человек…»[2]

[2] Балашов А. И., Г. П. Рудаков. История Великой Отечественной войны (1941–1945). – СПб.: Питер, 2006. – С. 146.

Борис Аграчев и Ольга Будникова

Памяти военного врача 330-го стрелкового полка Бориса Исааковича Аграчева и санитарного инструктора 330-го стрелкового полка Ольги Ивановны Будниковой.

Любили друг друга так нежно, как можно на фронте любить,
Когда была смерть неизбежна, но все же надеялись жить.
Он врач, и она в медсанроте, любовь красной нитью была,
О ней говорили в пехоте, когда затихала стрельба.
Всех женщин на правый, на берег,
Отправят под ночь, на плотах,
Стояли друг с другом, не верят, застыло прощанье в глазах.
Стоит, понимает и знает, а сердце не может принять —
Навеки она провожает того, кого хочется ждать.
Чем можно на память приметить?
– Трофейный возьми пистолет.
А он посмотрел, усмехнулся: «Родная, спасибо тебе.
Прощай, – а затем улыбнулся. – Иду я навстречу судьбе».
Прижал к гимнастерке покрепче: «Потом вспоминай обо мне».
И там их война разлучила, ни строчки, ни весточки нет,
Ждала, никого не любила, и вот вдруг приходит ответ.
Блиндаж тот был найден, раскопан, минуло полвека с тех лет,
Врач тоже был с ними откопан, а рядом в руке пистолет.
Пробит был висок аккуратно, надежно ему сослужил,
И вновь и уже безвозвратно на встречу ее пригласил.
Теперь тишина, только ветер над склоном с рекою шумит,
А сердце наотмашь бьет плетью, сжимаясь, рыдает, болит.

Ольга Ивановна Будникова. Фото из книги «Плацдарм:

Невский пятачок. 1941–1943», сборник статей. – СПб.: ГАЛАРТ, 2018

Ольга Будникова родилась в 1922 году, была дочерью военного генерала Ивана Будникова. В блокадном городе прошла курсы военных медсестер и, когда ее отец погиб в Ленинграде от взрыва снаряда, устремилась на фронт.

В конце 1942 года на Неве начался ледоход, который существенно затруднил связь гарнизона Невского пятачка с основными силами Невской оперативной группы на правом берегу. Немецкое командование приняло решение воспользоваться этим и ликвидировать плацдарм. Операция получила название «Загонная охота». Оборону на пятачке держал 330-й полк. Полк занимал оборону на фронте 4 километра, от оврага севернее Арбузово. Глубина плацдарма составляла 500–800 метров. В конце апреля 1942 года у командного пункта продолжали бой всего несколько человек, во главе с начальником политотдела А. В. Щуровым. После войны этот блиндаж (щуровский) был обнаружен поисковиками. К 29 апреля очаги сопротивления были уничтожены, однако некоторые бойцы сопротивлялись до начала мая. Большинство защитников плацдарма погибли.

Поисковикам удалось опознать в этом «щуровском» блиндаже шестерых человек, после войны.

В том числе «…старшего врача 330-го полка военврача 3-го ранга Аграчева Бориса Исааковича – по знакам воин-

ского различия и личным вещам. В кармане у него лежала записка: «Оленька, прощай, больше мы с тобой никогда не увидимся». Через ветеранов полка удалось выяснить, что послание адресовывалось санинструктору 330-го стрелкового полка О. И. Будниковой.

Борис Исаакович Аграчев. Фото из книги «Плацдарм: Невский пятачок. 1941–1943», СПб.: ГАЛАРТ, 2018

Ольга Будникова родилась в 1922 году, была дочерью военного генерала Ивана Будникова. В блокадном городе прошла курсы военных медсестер и, когда ее отец погиб в Ленинграде от взрыва снаряда, устремилась на фронт.

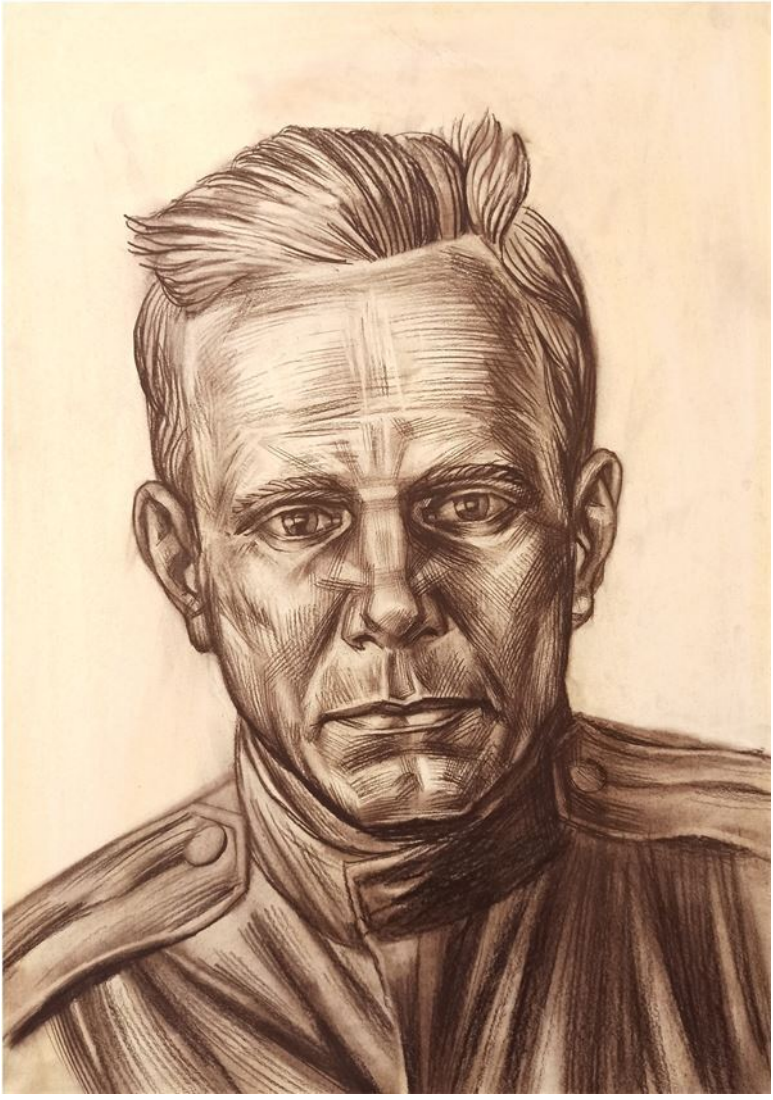
Война войной, но она не могла отменить любви. Так случилось с 19-летней Ольгой и 28-летним Борисом. Накануне ледохода, в числе других женщин-медработников, ее эвакуировали на правый берег. Прощаясь, Ольга подарила ему трофейный карманный пистолет «Шмайсер». Борис пошутил: для настоящего боя подарок не годится, но хорош, чтобы застрелиться. Так оно и случилось – в височной кости с правой стороны черепа зияло отверстие от пули, а рядом лежал маленький «Шмайсер». Боевой путь Ольги, добровольцем ушедшей на фронт через две недели после начала войны, отмечен 17 правительственными наградами, одним тяжелым и тремя легкими ранениями. Победу встретила в Кенингсберге и вернулась домой – в Ленинград. Верность первой любви сохранила до конца своих дней. Ольга Ивановна Будникова скончалась в 2001 году…»[3]

---

[3] Плацдарм: «Невский пятачок». 1941–1943: сб. статей. – СПб.: ГАЛАРТ, 2018. – С. 280.

Баллада о Ленинграде

Памяти Ковригина Михаила Петровича, младшего лейтенанта, командира взвода 3-го стрелкового полка 291-й стрелковой дивизии.



Пульсирует жизнь, и звезды над городом,
Шоссе переполнено, вечер настал.
Несутся машины, торопятся, холодно,
А воздух тяжелый, он за день устал.
День кончен, но мысли гнетут, накрывают,
Особенно в мае, щемящей волной.
Мой город задумчив, меня приглашает
В блокадную зиму, на встречу с войной.
Я сяду на кухне и выключу радио,
И медленно время меня усыпит,
Глазами отца увижу я зарево,
Застывший трамвай на рельсах стоит.
Я вышел во двор, пуста Моховая,
В рассветной тиши мне слышны шаги.
Вдали у моста ополченцы шагают,
А мне за Литейный, в больницу дойти.
Я в госпиталь взят, пока что в запасе,
Свое отслужил еще до войны.
Пускай инженер, по хозяйственной части,
Работы хватает до зимней поры.
Зима, холода, ленинградское марево,
Застыли каналы, дороги, дома,
И гулко за городом охает, намертво
Людей пришибает взрывная волна.
Набрать бы воды и добраться до дома,
Качаясь, иду, сквозь снег и пургу,
А ты меня ждешь и смотришь с балкона,

Как я под бомбежкой тихонько бреду.
А мать в окружении, страшно, нет писем,
И мысли терзают: что делать, как быть?
В июне ты с дочкой дорогами рысьими
От немцев прорвалась, чтоб в городе жить.
Зима убивает, блокада крепчала,
И ты потеряла мать быстро свою,
Она на полу, под кроватью лежала
И жизнь картой хлебной спасала твою.
Потом на салазках, сквозь ветер и вьюгу,
На Охту, на кладбище вез я ее.
А мы обещали с надеждой друг другу,
Что выживем, сдюжим свое бытие.
Но мне до весны дотянуть не придется,
И смерть мне в затылок стала дышать,
Уйду я на фронт, лучше пуля, чем просто
От голода здесь, зимой, умирать.
Я стал лейтенантом, окончил училище,
Полгода военных в него проходил,
А после в артполк, в окопы, в чистилище,
На Финский залив, в Сестрорецк угодил.
Всю зиму должны подготовку отстреливать,
С переднего края немцы видны,
Вот градус настрою, точнее примеривать,
Снаряд бронебойный запрячу в стволы.
Пороги Невы мы держали уверенно,
На левом – противник, на правом – свои,
А ночью в землянке я думал намеренно,
Когда перечитывал письма твои.

Я верил: прорвемся, что все-таки выстою,
Блокада закончится, городу жить,
И первый салют над Марсовым выстрелю,
И жизнь не угаснет, тонкая нить.
На город наплыли тучи дождливые,
И мертвые с карточек молча глядят,
А я возвращаюсь в денечки сварливые,
Где память постыла и мертвых не чтят.
Вопросы теснятся, а время несется,
И дни календарь снова будет листать,
Спросить бы у них, но мне не придется
На эти вопросы ответы узнать.
Что будет – не знаю, пока земля вертится,
Мне хочется с миром навстречу шагать,
И все еще верится: жизнь образумится,
И в городе пушкам лишь время считать.

291-я стрелковая дивизия была сформирована в городе Рыбинске. Рядовой состав на укомплектование дивизии был прислан из эвакуированных районов Ленинградской области, по преимуществу старших возрастов. Младший командный состав прибыл в дивизию тоже из запаса. На должности командиров взводов и рот были назначены курсанты военных училищ, которые в прошлом военного опыта не имели. Командирами батальонов были назначены командиры в запасе, давно ушедшие из армии, которые хотя и имели опыт, но из времен гражданской войны и устаревший. Времени для обучения не было.

С 3 сентября 1941 года, в районе Сестрорецка, примыкая

к морю, встала в оборону переброшенная с южного участка Ленинградского фронта 291-я стрелковая дивизия. Затем, вплоть до ноября 1941 года, в полосе обороны армии велись довольно активные действия, в частности за Белоостров, который несколько раз переходил из рук в руки. При выходе на северные окраины Ленинграда дивизия с ходу остановила дальнейшее наступление финнов и в результате боев за Белоостров заняла его и отбросила неприятеля за реку Сестра. За это дивизия получила благодарность от Ворошилова. После этой операции дивизия заняла оборону на рубеже: Мертуть, южная Александровка, новый Белоостров.

В феврале на базе отдельного батальона морской пехоты и за счет частей и подразделений дивизий стал формироваться 3-ий стрелковый полк (3 сп-309 стрелковый полк). После формирования полк встал между 181 и 1025 стрелковыми полками, имея перед собой противника в деревне Александровка. Полк и дивизия с 1942 по 1943 года занимал оборонительные позиции, стоял в обороне.

В сентябре 1943 года дивизия провела операцию по освобождению Левого берега реки Сестра. Дивизия была переброшена на правый фланг 23 армии. Командный пункт был в Матоксе. Передний край – на рубеже Ладожского озера. Затем дивизия была переброшена на новый участок обороны, в поселок Песочное, Левашово, Верхние Станки. Затем дивизия была переброшена в район Понтонная, Корчино, Милицейская роща, Кирпичный завод и вошла в состав 55 ар-

мии. В марте 1943 года дивизия вела наступательные операции в районе Красного Бора, в границах: справа Ям Ижора, устье реки Винокурка. В апреле дивизия заняла оборону на правом берегу Невы, на рубеже Пороги. В первой половине 1944 года 291-я стрелковая дивизия ведёт бои на оборонительном рубеже «Пантера». В январе 1945 года 291-я стрелковая дивизия воевала в составе 1 Украинского фронта. В феврале 1945 года дивизия вела боевые действия западнее города Бейтен (ныне Бытом, Польша), участвовала в боях западнее города Штрелен (ныне Стшелин, Польша).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.